

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ СЕВЕРНОГО КAVKAZA В 20–30-е гг. XX в.

К.Ф. Лиджеева
(Россия, г. Элиста)

Значимость образования в жизни любого общества, необходимость изучения истории образовательной политики с учетом новых методологических подходов и исследовательского инструментария обуславливают актуальность проблемы, обозначенной в статье. Заметная активность государственных и общественных структур в выработке новых подходов в сфере образования побуждает обратиться к историческому опыту реформирования образования. Целью статьи является рассмотрение начального этапа формирования образовательной сферы на Северном Кавказе.

Ключевые слова: просвещение, Северный Кавказ, национальная политика, образовательная политика, исторический опыт.

The significance of education in the life of any society, the need to study the history of educational policy in the light of new methodological approaches and research tools relevant cause problems outlined in the article. A noticeable activity of state and public structures in the development of new approaches in education leads to apply to the historical experience of education reform. Purpose of this article is to examine the early stages of the educational sphere in the North Caucasus.

Key words: education, North Caucasus, national policy, education policy, historical experience.

История народов Северного Кавказа тесно и неразрывно связана с историей России, оказавшей определенное влияние на исторические судьбы многочисленных племен и наций, населяющих этот обширный и многонациональный край.

Советская власть утвердилась почти на всей территории России, в том числе и в национальных окраинах. Большинство населения воспринимало органы советской власти как демократические. Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР провозгласил «национальную политику», основные принципы которой содержались в «Декларации прав народов России»: равенство и суверенность народов, их право на свободное самоопределение...; отмена всех национальных и религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп, населявших Россию [10, с. 27].

Для России периода первого послереволюционного десятилетия характерна радикальная ломка старой школы и поиска эффективной модели.

К 1920-м гг. в стране складывается новая система народного образования. Общей задачей было формирование единого коммунистического мировоззрения, выражающего государственную идеологию. На Северном Кавказе образование начинает также функционировать как составная часть советской системы образования.

Период гражданской войны на Северном Кавказе (сентябрь 1918 г. – март 1920 г.) затормозил строительство Советской власти, а вместе с тем и развитие народного образования. После окончания войны постепенно стали восстанавливаться народное хозяйство, культурное строительство. Одной из первоочередных задач новой власти считалось создание новой школы. Так, на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. было принято решение: «...Поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке» [6, с. 559]. Система народного образования в национальных областях должна была строиться в соответствии с теми хозяйственно-экономическими и культурно-бытовыми условиями, которые имелись в этих областях, а также в соответствии с теми целями и задачами, которые ставились в этих областях в разрезе экономического и политического строительства.

В процессе коренного преобразования просвещения в России в рассматриваемый нами период создавались благоприятные условия для создания новой национальной школы на демократической основе. Так, в соответствии с «Декларацией прав народов России» (ноябрь 1917 г.) Народный Комиссариат Просвещения (НКП) РСФСР в октябре 1918 г. принял постановление «О школах национальных мень-

шинств», в котором указывалось, что национальности в России пользуются правом обучения на родном языке во всех учреждениях государственной системы народного образования. Школы национальных меньшинств учреждались как государственные, входившие в подчинение НКП РСФСР. Этот документ в значительной мере способствовал демократизации школы нерусских народов, входивших в состав России [11, с. 106].

Декретом СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществ» (1918 г.) церковь отделялась от государства и школа от церкви, провозглашалась безусловно светская школа.

В ноябре 1918 г. НКП РСФСР вынес постановление об организации отдела просвещения национальных меньшинств. На этот отдел были возложены обязанности по организации, руководству и управлению всеми культурно-просветительными учреждениями национальных меньшинств, в том числе общеобразовательной и профессиональной школой. В областях, губерниях, округах, где проживали национальные меньшинства, организовывались подотделы просвещения национальных меньшинств.

Принципы строительства новой школы, учебно-воспитательной деятельности в ней в эти годы определили два государственных документа: «Положение о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» (сентябрь 1918 г.) и «Основные принципы единой трудовой школы» (октябрь 1918 г.). Последний из названных документов известен под названием «Декларация о единой трудовой школе», практически она являлась конституцией советской системы образования вплоть до конца 20-х гг. Провозглашалось, что новая школьная реформа «имеет... характер борьбы за знание, за образованность», что «дело идет о коренной перестройке» в «духе школы подлинно народной», школа объявлялась «не только бесплатной на всех ступенях, не только доступной и как можно скорее обязательной», но еще и «единой и трудовой» [7, с. 74–75]. Единство школы предполагало преемственность ее ступеней, равенство образовательного старта для всех. Содержательные акценты «Положения» призывали к эксперименту, творчеству. Открывались возможности для реализации и национальных интересов. Документ создавал полезный психологический климат для модернизации и соответствовал интересам многоэтнического российского сообщества.

Правовые аспекты национальных школ в «Положении» не прописаны, но в ноябре 1918 г. принято постановление Наркомпроса РСФСР о школах национальных меньшинств, в котором объявлялось о праве всех народов получать образование на родном языке не только в общеобразовательной, но и высшей школе. Центральная власть предоставляла родителям право избрать базовый язык образования в школе, а не принуждала их к обучению языку, избранному властью. Регламентировалось лишь наличие не менее 25 учащихся. Школа формально не становилась препоной для самоидентификации какого-либо этноса, что закладывало основу для осмысления возможностей национальных культур. Однако она фактически становилась школой государственной.

Расчет был сделан на практическую необходимость донести идеи национально-культурной революции до нерусского населения на понятном языке. Автономная деятельность культурных структур народов в полиэтничном государстве является базой развития гражданского общества. Она и вырабатывает демократические процедуры согласования национальных интересов с интересами государственной власти и в конечном счете ставит под контроль интересы последней. Таким путем только и появляется нация в европейском смысле как синоним государства и партнер власти в ходе модернизации. Большевики же культурную самодеятельность народов изначально поставили под контроль власти.

Обязательным языком в школе становился язык большинства населения данной местности. Понятно, что в подавляющем большинстве случаев в реальности этим языком был русский. Так появлялась возможность декларировать демократический смысл постановления: русское население, там, где они составляли меньшинство, подпадали под юрисдикцию постановления о праве получения образования на родном языке. С этой стороны постановление защищало их интересы так же, как и интересы нерусских народов. Наряду с нерусскими, русские, оказавшись в меньшинстве,

обязаны были учить язык большинства населения. Это, по мысли большевиков, создавало благоприятные условия для гармонизации межнациональных отношений, снимало принудительный характер освоения наиболее распространенного языка, болезненно воспринимаемого в нерусских средах.

Но как обязать русских учить, предположим, абазинский язык и как к этому обучению подступиться, не знал еще никто. Да и модернизационный процесс формировал иные интересы. Но таким представлялся большевикам интернационализм в действии. В сущности, мы имеем дело с сохраненным организационно-управленческим механизмом приобретения населением образования: школьная система полностью переходила под организационный, финансовый и содержательный патронаж власти.

В июне 1923 г. на совещании в Пятигорске по вопросам просвещения горских народов Северного Кавказа предлагался «целый ряд соображений политического, педагогического и культурного характера и крайней желательности принятия одной общей основы грамоты всеми горскими народами» [3, с. 9]. Внимательно проанализировав влияние графической основы на усвоение и развитие языка, известный знаток кавказских языков Л.И. Жирков в 1925 г. сделал вывод о том, что «нельзя и не следует вполне отрываться от традиции» и утверждал, что с недостатками арабицы нужно «мириться там, где этот шрифт укрепился путем долгой исторической традиции, где на нем уже написаны и напечатаны сотни и тысячи книг» [5, с. 226].

На IV Вседагестанском съезде Советов в 1925 г. было принято постановление, закреплявшее трехязыковый принцип построения национальной школы в республике: родной, тюркский и русский языки как предметы преподавания.

Но если преподавателей тюркского языка, хотя и немного, но имелось, то преподавателей русского языка не было. В центре и на западе же Северного Кавказа, как докладывает на пленуме Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. Бегеулов, русское учительство – это преимущественно «контрреволюционная часть русской интеллигенции, разбитая революцией, пошла частично в горы и там нашла приют, проникла в горские школы и преподает в них», что же касается горского учительства, то это «бывшие муллы, которые вчера только сошли с минарета» и, учитывая специфику учительских кадров, ставить вопрос «об улучшении качества и обогащении национальных языков» очень сложно, из-за разобщенности языков приходилось содержать огромный штат переводчиков [12].

В 1926 г. председатель Совета национальных меньшинств И.Д. Давыдов в центральной прессе выступил с развернутыми тезисами «Национальный язык, его роль и место в просветительной работе среди национальностей нерусского языка» [4, с. 31].

В этой статье после констатации «тяжелого царского наследия» отмечалось, что проблема национальных языков и необходимость их развития – это «не только политическая целесообразность, не только потребность жизни», но это «основное оружие жизни и работы человека в коллективе», это «фактор, организующий жизнь людей, фактор социальной дисциплины, социального объединения» [4, с. 31]. Предпринимается попытка «ранжировать» языки по месту их использования. Давыдов констатирует, что родной язык человек использует в рамках своей автономии. «Язык федерации» или «территориального большинства» человек использует за пределами автономии, если туда переносит свою трудовую деятельность. Предлагалось изучить конкретные условия применения разных языков и обратить внимание на ситуацию именно в автономиях.

Ключевым аспектом национальной политики в первые десятилетия советской власти была политика коренизации советских органов власти через развитие местных языков и использование их в политической и хозяйственной жизни. Это позволяло создать модель развития, при которой не было необходимости приносить в жертву национальную культуру ради прогресса. Начало полной коренизации, например, адыгейской аульской школы было положено в 1927–1928 учебном году согласно плану, разработанному Северо-Кавказским краевым отделом народного образования для всего Северного Кавказа.

В 1918 г. вышло первое издание черкесского букваря, составленного еще до революции С. Сиюховым. С этого времени адыгейская (черкесская) школа становится национальной. В черкесских школах обучение в первый год стали вести на черкесском языке. А в одном из аулов, население которого – горские греки, говорящие на черкесском и русском языке, стал изучаться наряду с русским языком и греческий [1, с. 17]. Число школ в аулах и русских хуторах стало быстро расти, причем инициатива в открытии школ стала исходить от самого населения.

Национальный язык в рамках единой территории был, есть и будет единственным реальным признаком всякой национальности. Реализация литературного языка как единой языковой культуры определенной национальности означает действительное самоопределение и культурное возрождение. Но внедрению грамотности среди населения, а также обучению детей в школе на родном языке препятствовало отсутствие своей национальной письменности. Используемый арабский алфавит не отражал особенностей языков народов Северного Кавказа. Вместе с исламом и Кораном на Кавказе распространялся тот алфавит, который употреблялся для переписки священных книг. Арабские буквы с их надстрочными и подстрочными диакритическими знаками затрудняли чтение и письмо, усложняли издание книг на национальном языке. Поэтому письменность в конце 1920-х г. была переведена на латинскую графическую основу. Например, в Адыгее был принят алфавит, представленный проф. Н.Ф. Яковлевым. Но и латинская графика не удовлетворяла требованиям быстро развивающейся адыгейской письменности. В связи с этим в 1937 г. была принята русская основа письма. Проект нового алфавита был составлен Н.Ф. Яковлевым и Д.А. Ашхамафом [1, с. 17]. Одновременно принимались меры, чтобы получили письменность на родном языке кабардинцы и балкарцы. В 1921–1923 гг. был выработан кабардинский шрифт на латинской основе. Авторами его являлись Т.А. Шеротлоков, Б. Хуранов, А.И. Пшунетов [5, с. 233]. Был также создан балкарский шрифт на латинской графической основе. Готовые шрифты были посланы в Москву наркому просвещения А. Луначарскому. В конце 1923 г. кабардинский и балкарский шрифты были отлиты в Мосполиграфе, а начале 1924 г. состоялось специальное совещание по вопросу установления кабардинского и балкарского шрифтов. На совещании они были одобрены, затем их ввели повсеместно во всех школах Кабардино-Балкарии. Создание письменности на родном языке сыграло важную роль в повышении грамотности. Так, например, если в 1920 г. грамотность среди кабардинцев составляла всего 2,1 %, а среди балкарцев – 0,9 %, то в конце 1925 г. она возросла у кабардинцев до 11,2 % и у балкарцев – до 7,5 % [2, с. 121]. Однако, латинизированный алфавит содержал недостатки, поэтому в 1938 г. письменность этих народов также была переведена на русскую графическую основу. Подобная ситуация была и в других национальных районах Северного Кавказа.

Центральным компонентом реформирования системы просвещения в 20-е гг. являлась разработка содержания общего среднего образования Единой трудовой школы РСФСР. Концепция нового содержания образования была сформирована научно-педагогической секцией Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР (НПС ГУС). В основе программ лежало стремление приблизить содержание образования к жизни ученика, преодолеть его отчуждение от самого учебного процесса, это особенно важно сейчас, когда образование все отчетливее получает лично-ориентированную направленность. Актуален заключенный в программах ГУСа опыт создания дифференцированных программ по отношению к разнообразным типам школ (ФЗС, ШКМ, рабфаки, общеобразовательная городская и сельская), учитывающих местную и национальную специфику, насыщающих образовательный материал миротворческими и краеведческими знаниями.

Что же касается большевистской идеи создания единой трудовой школы, ее практического отражения в программах ГУСа, то сами программы в такой ситуации оказывались не выполнимыми даже для сравнительно высококвалифицированного русского учительства. Чего было «ожидать от горского учительства с его низкой квалификацией?», задавали вопросы местные руководители, указывая на отсутствие

средств на организацию системы переподготовки учительства, устройства образцово-показательных школ. Этот аспект реформы должен был финансировать центр. Дело и свелось «к слепому, механическому копированию программ ГУСа», и то лишь в немногих школах, в подавляющем большинстве школ «работа идет по самым упрощенным предметным программам», между новой комплексной системой преподавания и старой предметной системой «не оказалось никаких точек соприкосновения» [8, с. 181]. Все претензии большевиков к старой школе, к ее неумению связать предоставляемые школой знания с жизнью разбивались об их собственное неумение наладить работу хотя бы в объеме содержания образования дореволюционной школы.

К десятилетию Октября отмечается, что школа все-таки «национализируется в самом существе своем, в отношении своего внутреннего содержания: в программном отношении», на деле же удалось создать особую горскую секцию при краевом методическом совете, провести I краевую горскую методическую конференцию, на которой были представлены программы для 1-го и 2-го года обучения, что дало основание отчитаться, что горская школа «национализована на 75 %» [8, с. 278]. Но анализ источников требует признать, что программы разработаны «для всех нацобластей Северного Кавказа, вообще для горской школы», что «программы не могли учесть отдельных особенностей тех или иных нацобластей», местные горские методические бюро не смогли внести в общие программы ГУСа «местного колорита», в целом «горская школа не пристала всей своей массой "к тому берегу" новых программ ГУСа и в то же время официально отстала от дореволюционных программ», и это делало ее работу «неустойчивой, неопределенной, бесцельной» [8, с. 183]. На Всероссийском совещании по просвещению национальных меньшинств в 1928 г. перед методистами национальной школы ставилась задача перевести, наконец, деятельность «на новые советские рельсы», т.е. «распространение и укрепление задач, содержания и методов новой советской школы» [8, с. 195].

Справедливости ради надо отметить, что и русская школа испытывала аналогичные трудности, трагически неся потери в качестве обучения [8, с. 279].

Но до практической реализации в горных аулах дело доходило не сразу, хотя к 1922–1924 гг. обозначился существенный рост школ. В Карачае работало уже 42 школы, из них 2 городских и 40 сельских, причем была уже 1 неполная средняя школа, также открытая в селе; общее число учащихся составило 3630 человек (130 в городе и 2500 в селе), подавляющее большинство детей училось в 1–4 классах и лишь 35 человек в 5–7 классах, в неполной средней школе обучалось 60 учащихся; например, в Адыгее в 1923–1924 гг. было 82 школы, в них обучалось 5151 учащихся, в том числе детей из коренного населения – 2568 человек, в Кабардино-Балкарии в 1922–1923 гг. было 94 школы с 5749 учащимися [8, с. 272].

В немалой степени тому способствовала новая экономическая политика. Наблюдался активный рост сети советских школ и числа учащихся, хотя существовали параллельно и духовные школы. Отмечалось достаточно благоприятное отношение родителей к советской школе, которая, однако, по необходимости была школой русской, с преподаванием на русском языке, с русскими учителями, с русскими учебными руководствами, хотя и делались первые шаги по ее «национализации» [8, с. 201].

Однако переход к нэпу не изменил основные цели большевистской реформы школы. Постоянные эксперименты, начавшиеся в 1918 г. введением единой трудовой школы, подверглись критике в постановлении ЦК ВКП(б) в 1931 г. «О начальной и средней школе», в котором отмечалось «легкомысленное методическое прожектерство, насаждение в массовом масштабе методов, предварительно на практике не проверенных», ведших «фактически к разрушению школы» [9, с. 155, 161]. Положение усугублялось и сменой графической основы письма, борьбой с защитниками традиционной (мусульманской) системы образования, арабского алфавита. Это создавало немало трудностей для формирования современной системы народного образования. Местные учителя могли оказать слабую помощь, большинство их пребывало в недоумении от огромного количества проблем, новое же учительство часто не имело ни

сил, ни возможности в силу малой квалификации эффективно осуществлять профессиональную деятельность.

Вначале и краевые, и автономные органы управления искали объяснения и оправдания перед центром в низкой квалификации педагогов. Учитель, занимаясь часто одновременно с 2–3 группами, совершенно не имел понятия о методике, о системах преподавания и хорошо бы, если в таких условиях справлялся со старой предметной системой. Кроме того, он обучал детей чтению и письму часто по неапробированным алфавитам, достаточно плохо передающим звуки родной речи. Никаких других учебников (а часто и элементарных букварей) или не было, или не доставало. Часто плохо зная русский язык, учитель вчитывался в методические премудрости, сами по себе написанные невнятно, теоретически плохо отработанные, и эти методические пособия напоминали больше идеологические установки. Понятно, что он, как и русские учителя, понимал требования к нему реализовать комплексные программы ГУСа как то, что так возмущало практиков горцев, ожидающих, что новая школа сделает из их ребенка, по крайней мере, толкового помощника в семье.

На западе же, как и на востоке Северного Кавказа, все еще существовала и отличная от русской система образования. Как указывал председатель Совета национальных меньшинств РСФСР М. Мухитдинов в тезисах по вопросам образования в 1925 г., у «тюрко-татарских народностей... и у части наиболее отсталых нацмен мы наблюдаем значительные отклонения от общепринятых систем в соответствии с их экономическим и культурным состоянием, а местами наблюдаем полную смесь старых и новых систем, что вносит большой тормоз и деморализацию в просветительную работу, малейшие отклонения, ошибки и упущения незначительных бытовых деталей могут задерживать темп вовлечения в общечеловеческую культуру отсталых национальностей» [8, с. 204]. Однако центр главную цель перед образовательной системой ставил такую: «Система народного образования в национальных республиках... должна строиться в соответствии с хозяйственными потребностями и нуждами народного хозяйства в строителях новой жизни» [8, с. 205].

И, к сожалению, с конца 20-х гг., особенно, в 30-ые гг. XX в., утверждается административная система управления народным образованием, которая детерминирует разработку содержания общего среднего образования в аспекте его идеологизации и политизации. Все это сковывало творческую инициативу и широту поисков, задавало им жесткие классово-партийные рамки и ориентиры. Демократические основы в образовательной системе заменяются централизацией.

Список литературы

1. **Азапикова З. З.** Генезис образовательной системы в Адыгее на принципах гуманизма, демократии и защиты этнокультурных традиций (1917–1933 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / З. З. Азапикова. – Майкоп, 2000. – 24 с.
2. **Боров А. Х.** Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе / А. Х. Боров. – Нальчик : Изд-во Кабардино-Балкарского государственного университета, 2007. – 298 с.
3. **ГАРФ.** Ф.81. Оп.1. Д.308. Л.311; **Рехвиашвили И. И.** Культурное строительство в Горской республике // Ученые записки Северо-Осетинского педагогического института им. К.Л. Хетагурова. / И.И. Рехвиашвили. – Т. XXVIII. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во. – 1967. – С. 6-11.
4. **Давыдов И. Д.** Национальный язык и его роль и место в просветительной работе среди национальностей нерусского языка / И. Д. Давыдов // Просвещение национальностей. – 1933. – № 5. – С. 21–42.
5. **Жирков Л.** К реформе алфавитов восточных народностей (опыт графического анализа алфавита) / Л. Жирков // Новый Восток. – 1925. – № 10–11. – С. 223–241.
6. **КПСС** в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М. : Политиздат. – 1954. – Ч. 1. – 603 с.
7. **Культурное** строительство в РСФСР. 1917–1927. Сборник документов. – М. : Политиздат. – 1983. – 224 с.
8. **Мамсиров Х. Б.** Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. / Х. Б. Мамсиров. – Нальчик : Эльбрус. – 2004. – 328 с.
9. **Народное** образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973. – М. : Педагогика, 1974. – 559 с.

10. *Образование СССР*. Сборник документов. 1917–1924. – М. : Политиздат, 1949. – 256 с.
11. *Узденова С. Б.* Образование и педагогическая мысль народов Карачая и Черкессии (XIX – конец XX вв.) : дис. ... д-ра пед. наук / С. Б. Узденова. – Пятигорск, 1997. – 445 с.
12. *Центр* документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 839. – Л. 4.